

«ЗЛОДЕЙСКАЯ ПОРФИРА» (ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОДЫ ПУШКИНА «ВОЛЬНОСТЬ»)

Вопрос о времени создания пушкинской оды «Вольность» издавна занимал (и продолжает занимать) многих исследователей. Поскольку с различными датировками оды связывались (и связываются) различные — порою противоположные — толкования ее политического смысла, вряд ли стоит удивляться тому, что обсуждение этой академической проблемы нередко выливалось в бурные и страстные дебаты: в примечаниях к новейшему академическому Полному собранию сочинений Пушкина суммарное — и при этом далеко не полное — изложение позиций и аргументов спорящих сторон занимает шесть крупноформатных страниц петита¹. После выхода соответствующего тома появилось множество новых публикаций по теме, но вопрос не может считаться вполне разрешенным и по сей день.

Не претендует на его полное разрешение и настоящая заметка, посвященная одной, в буквальном смысле слова — *маргинальной* детали текста «Вольности». Но, на наш взгляд, анализ этой маргиналии способен в известной степени содействовать уточнению датировки знаменитого пушкинского стихотворения.

В ранней рукописи оды «Вольность» (ПД 33; отсутствуют первые шесть строф; текст начат рукой А.И. Тургенева, закончен рукой Пушкина) к стихам «И се злодейская порфира // На Галлах скованных лежит» сделано следующее шутовское примечание: «*Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П. моего дяди (родного)*».

Исследователи предлагали разнообразные толкования этого несколько загадочного «замечания». Так, И.Л. Фейнберг в 1936 г. писал на сей счет следующее: «Ирония этого примечания “для дяди” относится к читателям, для которых вслед за стихами оды “Водопад”:

В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, —

старик Державин, в свое время, писал: примечание “под сим изображением подразумевается фельдмаршал Румянцов, как по своему прозвищу, так и по преклонности лет своих”.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. II, кн. 1. С. 481—486.

В своем примечании для дяди Василия Львовича Пушкин смеется над теми, кто считает нужным прописать по месту жительства героя, к которому обращены стихи. Пушкин иронизирует над читателями, которые требуют такой локализации, не понимая, что образ героя есть не только его изображение, но и художественное обобщение. Обращаясь в «Вольности» к Наполеону, Пушкин подчеркивает общие, родовые черты «тиранов мира»².

В комментариях к «Вольности» в новейшем академическом Полном собрании сочинений (авторы — В.Э. Вацура, Е.О. Ларионова, А.И. Рогова) пушкинское замечание истолковано несколько иначе:

Примечание, сделанное в Тург к этому стиху: «Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П. моего дяди (родного)» — характерное «арзамасское» подтрунивание над простодушным и непонятливостью В. Л. Пушкина, якобы способного принять эту строку за намек на реставрацию Бурбонов³.

Как бы то ни было, все комментаторы признают за двумя стихами некую неясность, не позволяющую непонятливому читателю («дяде В. Л. П.») однозначно определить их смысл и даже допускающую возможность их ошибочного прочтения.

Но как можно было ошибочно прочесть (пусть и непонятливому Василию Львовичу) столь недвусмысленные строки? Ведь пушкинский образ вполне вписывался в риторическую традицию «антинаполеоновской» поэзии 1810-х годов. Ср., например, стихотворение Н. Иванчина-Писарева «Падение злодея (Из Пророка Исаии)». Оно окрашено квазибиблейским колоритом — и тем не менее в падшем «владыке Вавилона» безошибочно узнается поверженный французский император:

Упал, упал гонитель мира!
 Господь изрек — и поражен!
 Кровава сброшена порфира,
 И скиптр железный сокрушен!⁴

Далее: как можно было в «злодейской порфире» усмотреть намек на реставрацию Бурбонов? Ни сам Пушкин, ни люди из его ближайшего окружения, способные иногда иронизировать над Людовиком XVIII, в принципе не видели в нем злодея. На политически умерен-

² Фейнберг И. Об оде «Вольность» // Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1976. С. 175.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. II, кн. 1. С. 497.

⁴ Вестник Европы. 1818. № 23. Декабрь. С. 167.

ном литературном фланге (наиболее близком к «правительственному либерализму» 1810-х гг.) реставрация Бурбонов трактовалась в духе, близком официальной идеологии: как исполнение народных чаяний, как врачевание ран, нанесенных Франции тираническим правлением Наполеона. Такая концепция нашла наиболее полное и совершенное поэтическое выражение в послании В.А. Жуковского «Императору Александру» (1814):

Свершилось!.. освящен испытанный народ,
И гордо по зыбям потек от Альбиона
Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона;
Питомец бедствия на трон отцов грядет,
И старцу братскую десницу подает
Победоносный друг в залог любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступления минувших страшных лет!..⁵

«Людовикова порфира» (напомним: порфира — «царская верхняя одежда»⁶) выступает у Жуковского как символ умиротворения и любви. Видимо, пушкинская «злодейская порфира», лежащая на скованных галлах, находится с образом Жуковского в прямом родстве, но в родстве чисто литературном: Пушкин адаптировал метафору, использованную Жуковским, наделил ее новым содержанием и приспособил к новому контексту. Предположить, что оба поэта по-разному говорят об одной и той же «порфире» (т.е. об одном и том же историческом и политическом лице), было невозможно. И вот почему. Во второй половине 1810-х гг. Людовик XVIII не только в официальной риторике, но и в либеральном политическом сознании выступал не как «злодей», а как монарх, «даровавший» Франции Конституционную хартию, как гарант декларированных в ней прав и свобод, как сила, сдерживающая разрушительные политические амбиции и бонапартистов, и республиканцев, и правых «ультра». В соответствующем ореоле Людовик всегда фигурировал в либеральной прессе 1810-х гг., в частности, на страницах «Сына Отечества» — журнала, тесно связанного с «арзамасским» кругом и бесспорно находившегося в поле зрения молодого Пушкина:

Король Французский приобрел более и более уважения от всех партий строгим исполнением данной им конституционной хартии. Ультра-роялисты, которые хотели нарушить оную, лишились своего

⁵ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 374.

⁶ Алексеев П.А. Церковный словарь, или, Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений <...> Изд. 4. Часть 3. М — П. СПб., 1818. С. 309.

влияния и не имели уже голоса в прошедшее заседание Палат при со-
вещании о выборах, росписании финансов и законах касательно газет
и личной свободы⁷.

Настоящий панегирик Конституционной хартии и Людовику как
ее гаранту встречаем в «Записках о Париже» Н.И. Греча:

Посреди бурь и неистовств революции, несколько друзей челове-
чества трудились над исправлением законов Франции. Тщетно старался
тиран утвердить в ней владычество деспотизма и варварства. Мудрый,
милосердый, благочестивый *Лудовик XVIII*, при самом возвращении
своём в отечество, оставил в прежней силе *Уложение*, составленное
в его отсутствие. Все старания приверженцев старинного правления
о введении прежних злоупотреблений в пользу привилегированных
состояний, были напрасны. Король, добровольно подчинив самого
себя законам, признал их святость и равенство всех граждан пред
лицем оных⁸.

Перед читателем предстает чуть ли не идеальный монарх «Вольно-
сти», первый склонившийся главой под сень надежную закона, — какие
уж тут «скованные галлы»!... На фоне ставших привычными славослов-
вий мудрому и милосердному монарху заподозрить в «злодейской пор-
фире» намек на власть Людовика вряд ли мог даже Василий Львович...

Рискнем предположить, что усмотреть здесь можно было другой
намек, куда более дерзкий и политически острый — на «освободителя
Европы», «Агамемнона между царями», словом — на русского импе-
ратора Александра Первого.

На первый взгляд это предположение может показаться еще менее
вероятным, чем отождествление «злодейской порфиры» с фигурой
Людовика. Напомним, что в уже цитировавшемся панегирическом
послании Жуковского «Императору Александру» русский монарх, во-
обще представавший как образец разнообразных добродетелей, был
представлен и как милосердный покровитель побежденных французов:

Гром Русский берега Секваны огласил —
И над Парижем стал орел Москвы и мщенья!..
Тогда, внезапного исполнен изумленья,
Узрел величие невиданное свет:
О Русская земля! спасителем грядет

⁷ Сын Отечества. 1818. Ч. 44. №VIII (22 февраля). С. 75.

⁸ Н. Гр. <Греч Н. И.> Записки о Париже. Уголовное судилище. (Окончание) // Сын Отечества. 1818. Ч. 44. № XI (15 марта). С. 180—181.

Твой Царь к низринувшим Царей Твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу...⁹

И тем не менее заподозрить в пушкинских стихах намека на Александра и его политику (и, следовательно, увидеть в них чуть ли не полемику по отношению к широко известным стихам Жуковского) было возможно — но только в строго определенный период времени, характеризующийся весьма своеобразной идейной атмосферой. Почву для подобного ошибочного чтения следует искать в общественной рефлексии над судьбами посленаполеоновской Франции.

После второго отречения Наполеона (и второго возвращения Людовика) четыре страны-победительницы — Великобритания, Пруссия, Австрия и Россия — подписали в Париже мирный договор с Францией. Суть Парижского договора с изящным лаконизмом формулирует В.А. Мильчина: «Договор был окончательно подписан 20 ноября 1815 года. Условия его оказались тяжелыми: возвращение Франции к границам 1790 года, выплата контрибуции в 700 миллионов франков (по 40 миллионов каждые четыре месяца) и временная оккупация — минимум на три года, максимум на пять лет; поначалу, впрочем, речь шла о 800 миллионах и семи годах оккупации, так что кое-каких уступок французы все-таки добились»¹⁰.

Значительные области на севере Франции были заняты оккупационными войсками; русский оккупационный корпус под командованием М.С. Воронцова расположился на северо-востоке, со штаб-квартирой в Мобеже¹¹. В конце сентября 1818 года в Мобеже побывал Ф.Ф. Вигель, рассказавший в своих «Записках» о том впечатлении, которое произвели на него порядки, установленные Воронцовым на оккупированных территориях (в частности, верстовые столбы с русскими надписями, расставленные по его приказу на французских дорогах)¹²: «Каково было смотреть на это воинам Наполеона, которые осенью в двенадцатом году утверждали, что Смоленск во Франции! Никто из других военачальников Веллингтоновой армии ничего подобного не мог себе позволить. За такую наглость спасибо Воронцову, хотя она

⁹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 373—374.

¹⁰ Мильчина В. Париж в 1814—1848 годах: Повседневная жизнь. М., 2013. С. 49.

¹¹ Об оккупации 1815—1818 гг. см.: Merquio A. Les occupations étrangères en France au XIXe siècle. Thèse pour le doctorat en droit de l'Université de Aix-Marseille. — Nice, 1944; новые материалы о русском оккупационном корпусе см.: Брейар Ж. М.С. Воронцов в Мобеже: К истории русского оккупационного корпуса во Франции. 1816 — 1818 гг. // Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Вып. 5. СПб., 2000. С. 127—151.

¹² Рассказ Вигеля о посещении Мобежа (как и о заграничном путешествии в целом) несомненно основан на дневниковых записях.

могла иметь вредные последствия. <...> Тщеславие жителей не дало им понять, сколь унижительно такое хозяйничанье для их национальной чести, а я тотчас почувствовал, как оно усладительно для нашего народного самолюбия»¹³.

Вообще же, говоря о положении Франции после Парижского мира, историки и в XX веке не скупались на сильные определения, — как, например, А.Н. Шебунин: «...Франция была унижена, оккупирована и договором о четверном союзе взята под бессрочное подозрение. Национальный позор французов, конечно, отягчался оккупацией и контрибуцией»¹⁴.

Однако с 1815 до начала 1818 г. не только правительства стран-победителей, но и либеральное общественное мнение не осуждали ни наложенных на Францию контрибуций¹⁵, ни введенный там режим оккупации. Более того: «либералисты» считали оккупацию совершенно необходимой — как гарантию от революционных потрясений (и возможной новой европейской войны) и переворота справа или слева. Большинство было согласно в том, что сокращать оккупационные войска можно только постепенно, по мере выздоровления французской нации. Мнение это ясно выражено в большой статье «Сына Отечества» («Взгляд на 1817 год»):

Франция, бывшая в течение 25 лет средоточием и источником всех бурь и волнений, потрясавших Европу, и поныне более всякой другой земли обращает на себя внимание вселенной. Миролюбивое, кроткое правление *Людвика XVIII* мало по малу ее успокоивает. Союзные Державы, видя успехи благородных его трудов и усилия, освободили Францию от содержания пятой доли войска, которое должно охранять сию землю от неистовства собственных ее детей¹⁶.

Предпринятое союзными державами сокращение оккупационного корпуса могло даже вызывать критику из либерального лагеря: когда

¹³ *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 906.

¹⁴ *Шебунин А.Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925. С. 155.

¹⁵ В конце 1815 г. Н.И. Тургенев, «преследуя свой идеал», считал даже, что контрибуции, полученные с Франции, можно использовать для улучшения «состояния простого народа» в России: «Между прочим мне кажется, что с частью контрибуции можно что-нибудь сделать в пользу крестьян (кроме того, что можно сделать для возвышения курса ассигнаций), а именно: можно употребить часть сей контрибуции на учреждение нескольких провинциальных заемных банков для ссуды мелких сумм». См.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Н.И. Тургенева за 1811—1816 годы / Под ред. и с примечаниями приват-доцента С-Петербургского ун-та Е.И. Тарасова. СПб., 1913. С. 304 (дневниковая запись от 30 декабря 1815 г.)

¹⁶ *Сын Отечества*. 1818. Ч. 43. № I (ц. р. 1 января). С. 40.

10 февраля 1817 года была опубликована нота Великобритании, Австрии, Пруссии и России о сокращении численности оккупационных войск, это вызвало негативную реакцию Сергея Тургенева, — младшего из братьев Тургеневых, служившего при русском оккупационном корпусе в Мобеже:

Уже 1 апреля 1817 года С.И. Тургенев подал М.С. Воронцову записку «*Quelques réflexions sur le renvoi d'une cinquième de l'armée d'occupation*», где доказывал преждевременность предполагаемого сокращения войск, считая, что русский корпус должен остаться во Франции целиком. «Главное сдерживающее начало для французов есть присутствие союзников, и в особенности русских, которых они ненавидят менее, а уважают и боятся более, чем других». С.И. Тургенев подчеркивал, что сокращение оккупационной армии может привести к усилению борьбы политических партий во Франции и к заметному ослаблению влияния союзников на политику французского правительства <...>. Однако в то же время следует подумать об укреплении конституционной монархии и другими средствами, кроме военных. «Возвращение к конституции, вызванное по крайней мере отчасти советами иностранных государей, и покровительство, оказываемое французским правительством тем, кто наиболее заинтересован в сохранении существующего строя и коими слишком пренебрегали в течение последнего года, могут быть включены в число этих хороших средств»¹⁷.

В компилятивной статье «Сына Отечества» «Историческое и политическое обозрение 1817 года» попытки французов облегчить бремя оккупации (и в идеале — избавиться от нее вовсе) были истолкованы в духе, близком записке С.И. Тургенева:

Утверждение спокойствия в большей части Франции и желание облегчить бремя, тяготящее сию державу, побудили Союзных Монархов уменьшить пятою долею армию, занимающую северные оной провинции. Французы, увидя сию благосклонность своих победителей, вздумали требовать нового уменьшения сих войск и даже совершенного выхода их из Франции, но в сем случае ошиблись в своем расчете. Кабинеты Союзных Держав дали знать, что они охотно облегчают бремя Французов, но еще не совершенно уверены в их склонности к миру

¹⁷ Пугачев В.В. Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 102—103. Пугачев приводит в своем переводе с французского фрагменты из неопубликованного текста записки С. Тургенева (ИРЛИ).

и спокойствию. Благоразумие сего мнения вскоре было оправдано происшествиями во Франции и поступками тамошнего Министерства: оно предложило Палатам утвердить набор многочисленной армии, которая в мирное время должна состоять из 250,000 человек, а в военное может быть вдруг удвоена и утроена¹⁸.

Резкий перелом в освещении и толковании оккупации относится к лету 1818 года, когда началась подготовка к проведению конгресса в Аахене, на который либеральное русское общество смотрело с большими надеждами¹⁹. Вопрос о снятии оккупации был поставлен на повестку дня конгресса как один из основных. В общественном сознании этот вопрос воспринимался теперь «в одном пакете» с другими мерами по совершенствованию нового европейского порядка, в частности — с расширением союза европейских государств и с конституционными реформами. «Предполагалось, что на Аахенском конгрессе осенью 1818 г. все члены союза заключат по образцу Германского союза “Всеобщий (великий) европейский союз”, в русском проекте которого ссылкой на Заключительный акт Венского конгресса одним из пунктов значилось дарование монархами своим подданным “разумных конституций”»²⁰.

Важнейшим стимулом, в известном смысле — сигналом для перемены тона в отношении оккупации Франции стала мартовская речь императора Александра перед Польским сеймом, содержавшая намеки на предстоящее введение конституции и в России. Теперь необходимость скорейшего вывода оккупационных войск мотивировалась прежде всего установившейся во Франции внутренней стабильностью, которая в свою очередь объяснялась не столько бдительным надзором со стороны победителей, сколько самим наличием и строгим соблюдением Конституционной хартии.

В программной статье «Сына Отечества» «Взгляд на нынешнее положение Европы и других частей света» читаем:

Вся Европа ожидает последствий свидания Высоких Монархов, назначенного быть в Ахене, которого главную целию будет, как пи-

¹⁸ Сын Отечества. 1818. Ч. 44. №VIII (22 февраля). С. 75.

¹⁹ См. об этом в частности: *Виницкий И.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. — М., 2006. С. 99—126; *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 691—725.

²⁰ *Сироткин В.Г.* Послереволуционная Франция и создание «венской системы» международных отношений в Европе // Великобритания, Франция и США в международных отношениях нового и новейшего времени: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1985. С. 14.

шут, рассуждение о нынешнем положении Франции и о принятии надлежащих мер в Германии по выходе из первой земли Союзных войск. Не смеем предварять суждений и постановлений Великих Монархов: скажем только, что спокойствие Франции зависит не столько от *внешних*, сколько от *внутренних* обстоятельств. Доколе царствует *Лудовик XVIII*, доколе законносвободные понятия уважаются и приводятся в действие Правительством, дотоле не должно опасаться во Франции возмущения²¹.

Особого внимания заслуживает здесь термин *законносвободный*, заимствованный из русского перевода речи Александра перед Сеймом; использование этого термина косвенно, но отчетливо связывало положение дел во Франции с обещанным изменением политического строя в России.

11 августа 1818 г. А. Булгаков в письме К. Булгакову из Петербурга, пересказывая светские и политические сплетни столицы, сообщает и о предстоящем выводе оккупационных войск из Франции как о фактически решенном деле (как следует из письма, среди основных информантов Булгакова по этому вопросу были статс-секретарь Карл Нессельроде и А.И. Тургенев). При этом, однако, он отмечает и сопротивление, внешнее и внутреннее, предполагаемому акту: «Войска союзные будут выведены из Франции; говорят, что одна Пруссия еще противится тому и все Бурбоны, кроме самого короля, который желает выступления войск союзных»²².

Тревожное ощущение неопределенности судеб Франции (и, следовательно, судьбы других либеральных европейских проектов) отражается и в журнальных публикациях, появившихся в самый канун открытия Аахенского конгресса:

В Ахене готовятся принять Союзных Монархов. <...> В Английских Министерских Ведомостях сказано было, что по прибытии Монархов в Ахен, Союзные войска непременно выйдут из Франции. На это сделано в Австрийском Наблюдателе следующее замечание. «Мнение сие кажется нам слишком поспешным. Монархи собираются в Ахене именно для того, чтоб решить (на основании § 5 Парижского трактата от 8 Ноября 1815), наступило ли время, в которое можно вывести из Франции войска, довольно ли земля сия успокоилась, и нет ли опасений, что беспокойства в ней возобновятся»²³.

²¹ Сын Отечества. 1818. Ч. 47. № XXVII (6 Июля). С. 37 (помета: «Писано в исходе Июня, 1818»).

²² *Братья Булгаковы*. Переписка. М., 2010. Т. 1. С. 537.

²³ Сын Отечества. 1818. Ч. 47. № XXXVII. (13 сентября). С. 237.

Неудивительно, что судьба оккупированной Франции оказывается в это время в фокусе внимания в кружке братьев Тургеневых — в том интеллектуально-политическом центре, из которого вышла ода «Вольность» (и влияние которого, несомненно, отразилось на ее содержании и пафосе²⁴).

Сергей Тургенев, служивший при Воронцове, был лучше многих осведомлен в планах союзников относительно Франции (осенью 1818 г. он оказался на Аахенском конгрессе; именно там статс-секретарь Каподистрия предложил царю его кандидатуру на пост советника российской миссии в Мадриде²⁵). Младший Тургенев, еще совсем недавно выступавший за сохранение оккупационного режима, теперь смотрел на дело иначе. Уже 18 (6) июля 1818 г. он, рассуждая об условиях вывода оккупационных войск из Франции, замечал в своем дневнике: «можно, однако, оспаривать право союзников занимать Францию, когда в ней нет больше Бонапарта»²⁶. Напомним, что Александр и Николай Тургеневы поддерживали с Сергеем интенсивные эпистолярные отношения и имели возможность получать свежую информацию о европейских делах из первых рук.

Николай Тургенев 20 октября 1818 г. в свою очередь делает дневниковую запись, в которой нынешнее плачевное состояние России вписывается в международный контекст:

Иногда представляется мне утешением, что и другие народы бывали не щастливее нас, а что некоторые, наприм[ер] и в особенности Французы, еще в худшем положении, нежели мы сами. Хотя впрочем и Французы терпят более от оскорбленного чувства отечества, между тем как у нас всякой день оскорбляется человечество, справедливость самая простая, просвещение и одним словом все, что не позволяет земле превратиться в пространную пустыню или вертеп разбойников²⁷.

²⁴ Как известно, А.И. Тургеневу принадлежит далеко не восторженный отзыв о «Вольности» в письме Вяземскому от 5 августа 1819 г.: «...вообрази себе двенадцатилетнего юношу, который шесть лет живет в виду дворца и в соседстве с гусарами, и после обвиняй Пушкина за его “Оду на свободу” и за две болезни не русского имени!» (Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. I. СПб., 1899, С. 280). На первый взгляд, между фактом участия Тургенева в переписке «Вольности» и этим отзывом — явное противоречие. Однако следует иметь в виду, что со времени создания оды резко изменился политический климат: после убийства Августа Коцебу, осуществленного Карлом Зандом, «Вольность» читалась совершенно по-иному; на первый план выходили не конституционные мотивы, а тема цареубийства. Ода стала казаться острее и опаснее, чем в пору ее появления.

²⁵ Додолев М.А. Россия и Испания. 1808—1823. М., 1984. С. 157.

²⁶ Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 37 (автор цитирует неопубликованный дневник С. И. Тургенева: ИРЛИ. Ф. 309. Д. 23. Л. 80 об.)

²⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1816—1824 годы / Под ред. и с примечаниями проф. Е.И. Тарасова. Пг., 1921. С. 158.

Последняя фраза часто и охотно цитировалась разными историками, однако обычно приводившие ее авторы делали акцент на второй, «русской» части; для большей выразительности вступительная часть иногда даже купировалась. Для наших же целей важна как раз часть «французская»: «оскорбленное чувство отечества» — фон для панорамы несчастий России — это именно оккупация Франции союзными войсками...

Подчеркивая свой возросший интерес к делам «домашним» и понижение интереса к европейским событиям, Н.И. Тургенев, тем не менее, и в последующие месяцы не забывает судьбы оккупированных французов. 9 ноября он делает приписку к старой записи: «Ахенский конгресс вывел войска из Франции»²⁸. Конвенция о выводе войск была принята в Аахене одной из первых: она была подписана еще 9 октября (27 сентября по Юлианскому календарю) с тем условием, чтобы быть «ратификованной» через три недели («или, буде можно, скорее»). 15 (3) ноября произошел обмен ратификаций²⁹. Видимо, известия об этом акте и вызвали запись Тургенева.

Приведенные материалы, на наш взгляд, достаточно наглядно обрисовывают контекст и достаточно отчетливо проясняют смысл иронического примечания Пушкина.

Упоминание в нем дядюшки Василия Львовича — не просто шутка, но своего рода риторическая фигура, обозначающая *реальное лицо*, превратно истолковавшее (или не сразу понявшее) «злодейскую порфиру», лежащую на скованных галлах. Скорее всего этим лицом был А.И. Тургенев. Он собственноручно переписывал — видимо, под диктовку автора — сохранившееся начало пушкинской оды. Его же рукой записано и «замечание», представляющее собой, несомненно, стенографическую запись авторского комментария. Каким образом возник этот комментарий? Самый тон замечания свидетельствует о том, что вовсе не Пушкин почувствовал здесь неясность; скорее всего, дойдя до порфиры, насторожился А.И. Тургенев. Будучи тонким ценителем и благодарным читателем стихов, к тому же чрезвычайно расположенным к Пушкину, он вместе с тем относился к молодому шалуну с настороженностью, ожидая от него любых проказ, в том числе политических: в письме Жуковскому от 12 ноября 1817 г. он бранил Пушкина за вкус к «площадному вольнодумству» в духе восемнадцатого столетия. Мог он заподозрить подобное воль-

²⁸ Там же. С. 157.

²⁹ Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. Том VII. СПб., 1885. С. 302—306, 311—312.

нодумство и здесь: уж не на государя ли, решением которого Россия приняла участие в «унижении Франции», намекает расшалившийся сочинитель?..

Возможно, что Тургенев не эксплицировал своих подозрений и задал вопрос в самом общем виде («что за порфира?»), но сама возможность подобного недоумения указывала Пушкину на то, что его антинаполеоновский пассаж в современной ситуации способен прочитываться превратно. Недоумение Тургенева должно было одновременно позабавить и несколько раздосадовать автора, поскольку в «Вольности» он выступал не как критик, а как *союзник* императора Александра, его (и Каподистрии) конституционных проектов. Поэтому и содержание, и форма пушкинского примечания (фактически — ответа на вопрос) достаточно язвительны. В 1817—1819 гг. Тургенев, симпатизировавший Пушкину, старался оказывать на него благотворное влияние и возился с ним как «дядька» («домашний воспитатель при мальчике»³⁰). Отсюда пушкинский насмешливый упрек: мол, мой мудрый дядька Александр Тургенев истолковал невинный стих так нелепо, как впору было бы простоватому Василию Львовичу (В.Л.П.), дяде моему родному...

Шуточное примечание Пушкина, записанное Тургеневым, может сыграть свою роль в разрешении вопроса о датировке «Вольности». Заподозрить в «злодейской порфире» намек на оккупацию и вообще на «унижение» Франции можно было только в особой общественной атмосфере и в очень определенный исторический момент. Этого не могло случиться в 1817 и в начале 1818 года, когда даже «либералистами» оккупация рассматривалась как мера разумная и необходимая для поддержания мира и стабильности во Франции и в Европе. Вряд ли могло это произойти и в конце 1818 года (и тем более в начале 1819 года), по окончании Конгресса: как отмечалось, к 15 (3) ноября была ратифицирована конвенция о снятии оккупации; уже 30 ноября войска оккупационного корпуса из Франции были выведены. Более того, в день ратификации конвенции Франция особым протоколом была торжественно объявлена присоединенной к союзу четырех европейских держав³¹; период ее «унижения» — по крайней мере формально³² — закончился. Возможность связать «злодейскую порфиру»

³⁰ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1992. Вып. 7. Древо— Залежь. С. 55.

³¹ Собрание Трактатов и Конвенций... Т. VII. С. 313.

³² 15 (3) ноября, в тот самый день, когда миру было возвещено о возвращении Франции в семью великих держав, уполномоченные министры стран — членов

и «скованных галлов» с оккупацией стала исчезающе малой: тема утратила политическую актуальность и перестала быть предметом толков и журнальных статей.

Таким образом, наиболее вероятное время создания оды — период, когда проблема оккупации выдвинулась в общественном сознании на первый план, когда она стала восприниматься в связи с новыми мерами по укреплению мира в Европе, когда общественное мнение стало рассматривать судьбу оккупированной Франции с сочувствием, увязывая «освобождение» Франции с надеждами на либерализацию в Европе и России. Как отмечалось, вопрос об оккупации начал обсуждаться еще летом 1818 года, но особенно актуализировался осенью, в канун конгресса. Можно сомневаться в полной достоверности переданных Я. Сабуровым слухов, что «ода, как говорили тогда, была подсказана Пушкину Н.И. Тургеневым»³³. Но не подлежит сомнению, что ода была начата и завершена Пушкиным в присутствии Николая Тургенева. Сам Тургенев на вопрос П.И. Бартенева, нет ли у него писем поэта, отвечал 19/31 мая 1867 г.: «У меня никаких писем Пушкина не было и нет. Есть стихи, его рукою написанные, например, его ода „Вольность“, которую он в половине сочинил в моей комнате, ночью докончил и на другой день принес ко мне написанную на большом листе»³⁴. Между тем Николай Тургенев отсутствовал в Петербурге с начала июля до 9 сентября 1818 г. (он проводил лето сначала в Москве, потом в деревне). Следовательно, временем со второй декады сентября — началом ноября 1818 года (до получения известий о выводе войск из Франции; ср. тургеневскую дневниковую запись от 9 ноября) и можно с наибольшей вероятностью датировать как пушкинское примечание, так и саму пушкинскую оду³⁵.

Разумеется, шутивное примечание не может служить главным (и тем более единственным) аргументом в пользу датировки «Вольности» осенью 1818 года. Но в соотношении с другими фактами — в частности с поразительной идейно-тематической близостью

четверного союза подписали секретный протокол, подтверждающий верность взаимным обязательствам в отношении Франции, включая — в случае возникновения в ней беспорядков — военное вмешательство.

³³ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С. 337.

³⁴ Цявловский М.А. Заметки о Пушкине. I. Ода «Вольность» // Звенья. Вып. VI. М.; Л., 1936. С. 149.

³⁵ Мы присоединяемся к заключению Ю.Г. Оксмана, считавшего, что именно рукопись с «замечанием» является «самым ранним из доселе известных текстов оды» (Оксман Ю.Г. Пушкинская ода «Вольность»: К вопросу о датировке // Оксман Ю.Г., Пугачев В.В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С. 78).

пушкинской оды проблемам, оказавшимся в центре внимания петербургских «либералистов» в период подготовки и проведения Аахенского конгресса³⁶, оно приобретает дополнительную вескость и доказательную силу.

³⁶Связь оды «Вольность» с Аахенским конгрессом пронизательно почувствовал Д.П. Ивинский. Однако он услышал в ней «отклик Пушкина на решения Аахенского конгресса», причем отклик резко критический: «либеральный поэт вторгнулся в сферу реальной политики и заявлял о своем неприятии всей программы европейской безопасности, которая была сконструирована на конгрессе». Соответственно, исследователь датировал ее второй половиной декабря 1818 — первыми числами января 1819 г., т.е. временем *после* завершения Конгресса. См.: Ивинский Д.П. Ода Пушкина «Вольность»: французские контексты // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 70. 2011. № 1. С. 25—26. Здесь не время и не место оспаривать заключение Д.П. Ивинского по пунктам. Отметим только, что анализ оды заставляет видеть в ней не критику результатов, а программу ожидаемых действий. Сразу после конгресса настроения у Пушкина были иными: разница между «Вольностью» и скептическими «Сказками» («Noël») бросается в глаза.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
РАЗГОВОРНИК,
ИЛИ / OU
LES CAUSERIES
DU 7 SEPTEMBRE**

Сборник статей в честь
Веры Аркадьевны Мильчиной

Москва
Новое литературное обозрение
2015